

Илларионов Г.А.,
кандидат философских наук,
доцент кафедры философии,
Сибирский федеральный университет

**Феноменологическая экспликация современного консерватизма в
контексте концептов посттрадиционности и секулярности**

Статья посвящена феноменологической экспликации консерватизма как социального, идеологического и философского феномена современности. Несмотря на широту присутствия консерватизма в научном и общественном дискурсе, вплоть до декларирования его в качестве государственной идеологии России, определение его содержания остается проблематичным. В исследовании феноменологически анализируются современные итерации консерватизма в контексте концептов секулярности и посттрадиционности как ключевых факторов актуализации современного консерватизма.

Ключевые слова: консерватизм, традиция, секуляризм, постсекуляризм, посттрадиционность, общество риска, общественная неопределенность, «текущая современность».

Illarionov G.A.,
Candidate of Philosophical Sciences,
Associate Professor of the Department of Philosophy,
Siberian Federal University

**Phenomenological explication of modern conservatism in the context of
the concepts of posttraditionality and secularity**

The article is devoted to the phenomenological explication of conservatism as a social, ideological and philosophical phenomenon of modernity. Despite the breadth of the presence of conservatism in scientific and public discourse, up to declaring it as the state ideology of Russia, the definition of its content remains problematic. The study phenomenologically analyzes modern iterations of conservatism in the context of the concepts of secularity and posttraditionality as key factors in the actualization of modern conservatism.

Keywords: conservatism, tradition, secularism, post-secularism, posttraditionality, risk society, social uncertainty, "liquid modernity".

Актуальность тематики консерватизма доказывается широтой его присутствия в общественном дискурсе на множестве уровней. На философско-концептуальном уровне консерватизм является популярным объектом и концептом для историко-философских, компаративистских и социально-философских исследований. На политико-идеологическом уровне консерватизм

фигурирует в качестве способа позиционирования политических сил и проектов, в частности озвученное президентом В.В. Путиным позиционирование политики российских властей как «разумный консерватизм» [Путин, 2021]. На уровне индивидуально-экзистенциальном консерватизм выступает одной из всеобщих максим поведения, которые возможны к реализации человеком независимо от его политических и философских взглядов.

Проблемой в исследовании консерватизма является его неопределенность, вызванная не столько недостатком разработки, сколько, напротив, его историческим многообразием, доходящим до релятивизма, что является спецификой генезиса консерватизма. Консерватизм, впервые концептуализуясь как реакция на реализацию идей Просвещения, в каждой последующей итерации являлся конкретно-историческим ответом на жестко привязанные к месту и времени процессы, не имея постоянного неизменного содержания. В нем отсутствует универсальное концептуальное содержание, которое было бы характерно для любой его версии – как это можно говорить в отношении либерализма или социализма. Классик русского консерватизма К.Н. Леонтьев выразил это фразой: «...охранение у всякой нации свое, у турка – турецкое, у англичанина – английское, у русского – русское; а либерализм у всех один...» [Леонтьев, 2010: 362]. Консерватизм всегда исторически ситуативен, вследствие чего любое к нему обращение требует прояснения конкретных обстоятельств, актуализирующих консервативное отношение к чему-либо в философии, политике или индивидуальном экзистировании.

Целью данного исследования является экспликация конкретно-исторических условий актуализации консерватизма. Практическим аспектом данной цели выступит попытка экспликации интенций современного русского консерватизма, не имеющего на сегодняшний день развернутой концептуальной разработки.

Методологией исследования станет структурно-феноменологический подход. Выбор методологии обусловлен двумя обстоятельствами. Первое заключается в том, что консерватизм является не столько системой идей и концептом, сколько структурой их отношений друг к другу и к тем идеям и концептам, которым они себя противопоставляют. Так, идеи консервативного мыслителя Ж. де Местра в трактовке П.Я. Чаадаева восприняты были его современниками как скорее либеральные [Дягтерева, 2003]. В связи с этим имеет смысл говорить о консерватизме не с точки зрения частных идей тех или иных авторов или политических групп, а с позиции структурных процессов, эти идеи вызывающих. Феноменология в свою очередь служит цели обхода множественности сложившихся трактовок и часто ангажированных позиций в отношении консерватизма.

Гипотезой нашего исследования выступает идея того, что современный консерватизм актуализуется как реакция на состояния современного социума, выраженные в концептах посттрадиционности и постсекулярности, и конструируется как реакция на них.

Наиболее очевидным структурным отношением в консерватизме, подтверждаемым концептуальным анализом словарных определений понятия, является отношение «сохранения», «сбережения», «охраны» [Даниленко, 2021]. Объектом может выступать идея, институт, ценность и т.д. Чаще всего объект охранения наделяется атрибутом традиционности, что предполагает его укоренение в социальном прошлом. Однако, как показывает развитие концепта «традиция» и «традиционность», во второй половине XX века определение чего-то как традиционного относится скорее к сфере субъективной оценки, нежели объективной референции к преемственности [Илларионов, 2017]. Исследователь концепта традиции Е. Шацкий определял ее как «те образы ощущений, мышления и поведения, которые ввиду их... принадлежности к общественному наследию группы оцениваются ее членами положительно» [Шацкий, 1990:370]. Разумеется, это не означает, что категория традиционности вовсе лишена объективного содержания, однако ее конструктивистский элемент не позволяет определять через него консерватизм. Иными словами, если утверждать, что консерватизм есть защита традиции, это не принесет никакой определенности, поскольку неопределенным и релятивным является классификация чего-либо как традиционного. Более того, фальсификация традиции, ее «изобретение» становятся одними из основных эксплицитных форм существования традиционности в обществе модерна и постмодерна [Hobsbawn, Ranger, 2014].

Объекты охранения консерватизма – традиционные общности, ценности и т.п. – могут быть столь же искусственно конструированы, сознательно или спонтанно, как и их антитрадиционные модернизационные антиподы. В связи с этим целесообразным представляется определять консерватизм не через объект «охранение», а через те силы и процессы, от которых это охранение происходит. Это будет адекватно и в отношении консерватизма Э. Берка, выступавшего против Французской революции, и В.В. Путина, выступающего против мультикультурализма, воукизма и текущей модели глобализации [Берк, 1993; Путин, 2021]. Впрочем, сам факт декларативного противопоставления еще не эксплицирует в должной степени оснований консервативного отношения к тем или иным процессам и не раскрывает сути этих процессов, ограничиваясь скорее их сигнификацией.

Российский политолог А.А. Ширинянц выделяет в качестве характерного признака консерватизма ориентацию на историческую объективность и отрицание полезности искусственных попыток революционного ускорения исторического развития [Ширинянц, 2015:363]. Такое отношение можно считать своеобразным историческим фатализмом, признающим, что любые попытки целенаправленных проектов преобразования социума вредны и нерелевантны относительно объективных процессов развития, которые реализуются независимо от усилий тех или иных интенций людей. Такая позиция требует наличия определенной метафизики, предполагающей наличие той или иной сверхиндивидуальной, метаисторической инстанции, служащей источником и регулятором исторического развития. Примером таких позиций в

русском консерватизме являются квазихристианская метафизика «соборности» А.С. Хомякова или, также основанная на христианстве, историософия и антропология К.Н. Леонтьева. Или примордиальную традицию интегрального традиционализма Р. Генона, или этнический примордиализм различных форм националистического консерватизма, где ролью метафизического основания традиции выступают сверхиндивидуальные категории нации, этноса, народа.

Другой выделяемой А.А. Ширинянцем чертой консерватизма является ориентация его на «реальное историческое делание», недоверие чисто теоретическим схемам отражения реальности, практическая устремленность [Ширинянц, 2015:364]. С нашей точки зрения, противопоставление умозрительности общественной теории и практического делания социальной практики приобретает в контексте мысли XX века еще одно важное измерение. Одной из влиятельных линий мысли XX века является развитие идеи семиотизации социальности, наиболее известным представителем которой является Ж. Бодрийяр. Социальные отношения перемещаются из первичной реальности в знаковые виртуальные реальности, наиболее ярким репрезентантом чего являются новые медиа, социальные сети. В семиотизированной реальности знаки уже не столько выражают реальность, сколько заменяют ее, превращаясь в симулякры. Практическая интенция консерватизма обретает в условиях семиотизации еще одно измерение – стремление к реальности вопреки опутывающей гиперреальности знаков и симулякров, практически выражающейся в исторической ситуации «постправды», – «обстоятельств, при которых объективные факты являются менее значимыми при формировании общественного мнения, чем обращения к эмоциям и личным убеждениям», по определению Оксфордского словаря, объявившего «постправду» словом года в 2016 г. [Oxford Languages,2016].

Итак, мы выделим в качестве сущностных черт консерватизма структурные отношения ориентации в идеологии или деятельности: на традицию (или нечто за нее принимаемое); объективизм и аксиологию, основанную на сверхиндивидуальных метафизических инстанциях исторического процесса, чаще всего трансцендентных; на «практическое историческое делание», на приоритет социальной практики над абстрактными моделями и реальности над ее знаковым отражением.

Если рассматривать реализацию подобной структуры историко-философски, то мы можем без труда подобрать в любой из периодов существования консерватизма системы конкретных идей, которые подразумевали бы реализацию подобных интенций. Так, классический консерватизм Э. Берка подразумевает апелляцию к сословной социальной структуре и этике как традиционной, к христианству как аксиологическому сверхиндивидуальному их основанию и критикует умозрительные революционные модели как утопические, ведущие к практической дезорганизации социума. Аналогично, русский консерватизм начала XX века предполагал апелляцию к самодержавию и сословности как традиционным формам социального устройства, религиозно-этнической аксиологии и

критиковал утопизм революционеров, чьи теории сомнительно коррелировали с реальностью. Однако если говорить о современности – нам будет трудно обнаружить в явном виде элементы, заполняющие роли в структуре консерватизма. В российских условиях, когда президент В.В. Путин говорит о «здоровом консерватизме» – о какой аксиологии, какой онтологии, какой социальной структуре идет речь? Как апеллирующая к традиции может быть понята и распространённая в массовом сознании интенция «возврата в СССР», популярная, например, в образовании в виде призывов к возрождению советской системы. Консервативной может считаться и националистическая ориентация различных политических сил и групп, и религиозная.

Разумеется, консерватизм никогда не был однороден и в прошлом. Однако в настоящий момент он достиг того уровня вариативности и релятивизма, что может быть охарактеризован как неопределенный, где под неопределенностью следует понимать не отсутствие позиции, а ее бесконечное многообразие и «текучесть», соответствующая «текучести современности», как ее описывает социолог З. Бауман [Бауман, 2008]. Так, современный российский консерватизм ситуативно сочетает в себе христианство (примером этого дискурса может выступить концепция динамического консерватизма В.В. Аверьянова) и секуляризм (дискурс просоветского «левого консерватизма» С.Е. Кургиняна), ссылки на традицию и постоянные призывы к инновации (дискурс интегрального традиционализма, представленный в России А.Г. Дугиным, Г.Д. Джемалем, В.В. Штепой), национализм (дискурс «Изборского клуба» под председательством А.А. Проханова) и антинационализм (представлен преимущественно в виде связей с «консервативным интернационалом» европейских альтернативных правых), критику капитализма (примером служат вышеупомянутые А.Г. Дугин и В.В. Аверьянов) и декларации приверженности рынку (каковую можно считать официальной позицией правительства России).

Неопределенность современного консерватизма можно трактовать двояко. С одной стороны, очевидным будет вывод об аморфности, «всеядности», фиктивном характере современного консерватизма, ставшего вполне в духе эпохи постмодерна симулякр. Подобный вывод делают многие исследователи, такие как А.А. Ширинянц, Л.В. Поляков, подобные тезисы встречаются и у представителей самой консервативной мысли, например, А.Г. Дугина [Ширинянц, 2015; Поляков, 2004; Дугин, 2012].

С другой стороны, даже если мы признаем современный консерватизм симулякр, это никак не объяснит нам причины обращения к нему, его популярности и как мировоззрения, и как концепта. В таком случае логичным будет предположить, что его неопределенность вызвана неопределенностью самой социальной ситуации, которой консерватизм себя противопоставляет. Иными словами, консерватизм прошлого противопоставлял себя Французской революции, либерализму, марксизму, глобальному капитализму и т.д. Современный консерватизм есть сопротивление неопределенности современного мира, которую в социально-философской мысли популярно

представлять в качестве одной из сущностных черт социального бытия современности [Серегина, 2021].

Мы можем эксплицировать неопределенность в двух плоскостях, релевантных концептуальной структуре консерватизма.

Первая из плоскостей релевантна ранее выделенному в консерватизме структурному отношению объективизма, апелляции к той или иной «высшей» по отношению и к индивидуальному, и к интересубъективному жизненному миру человека. В этом случае неопределенностью будет ситуация, в которой иерархия реальностей отсутствует. Такую ситуацию описывает социология религии, в рамках которой одной из наиболее фундаментальных картин «плоской» онтологии была представлена в знаменитой работе Ч. Тейлора «Секулярный век» [Тейлор, 2017]. Вопреки узкому пониманию секулярности как процесса снижения роли религиозности в социуме, Ч. Тейлор расширяет понятие секулярности до такого состояния социума, в котором отсутствует опора на любую трансцендентность, где признание какой-либо реальности как высшей наталкивается на тотальный релятивизм горизонтальных отношений между разными дискурсами. Идеи необходимости трансцендентной аксиологии высказывал еще К.Н. Леонтьев, однако во второй половине XIX века можно было говорить о модернистских идеологиях как альтернативной аксиологии. С середины XX века, когда постмодернисты констатировали «недоверие к метанарративам», социальная реальность превратилась в горизонтальное поле выбора аксиологической системы координат. В секулярном мире отсутствует такая метафизическая философская система, которая могла бы претендовать на нравственный и когнитивный авторитет, каким обладали религиозные системы, и чьи функции переняли в XX веке идеологии, выполнявшие, согласно определению социолога Р. Беллы, роль «гражданских религий» [Белла, 2014].

Основой современного консерватизма становится ориентация на преодоление секулярности в условиях мировоззренческой неопределенности, когда не существует определенной аксиологии, замененной ризомами гуманистической антропологии. Ч. Тейлор, Р. Белла, М. Элиаде и многие другие исследователи секуляризма отмечали, что даже в наиболее секулярных обществах, как минимум на уровне искусства, наблюдается скрытое стремление к трансцендентному, аксиологическая интенция к высшим реальностям, к преодолению плоской ризоматической онтологии секулярного мира. В этом смысле современным консерватизмом становится любая система мысли, предполагающая возврат к аксиологической иерархии, признанию объективной метафизической реальности основанием для социальной практики. Актуальности подобной антисекулярной интенции придают и фиксируемые такими известными социологами, как Х. Казанова и Д. Капуто, процессы постепенного затухания секуляризма, получившие обобщенное название постсекулярности [Казанова, 2018; Капуто, 2011].

Второй плоскостью экспликации современного консерватизма становится посттрадиционность. Этим термином такие авторы, как Э. Гидденс и В. Нойзер, обозначали состояние современного социума в аспекте культурного

воспроизводства и связей настоящего с прошлым [Giddens, 1994; Нойзер, 2009]. Посттрадиционность – это форма традиции «текучей» современности. С одной стороны, посттрадиционность означает исторический период смены социокультурной парадигмы, когда конкретные традиции прошлого переживают упадок, а новые еще не складываются. В этом смысле современную эпоху постмодерна можно сравнить, вслед за В. Нойзером и У. Эко, с поздней Античностью, периодом стремительных трансформаций, в рамках которого предсказуемость жизни, генерируемая традиционными социальными институтами, сменяется неопределенностью процесса эклектичного синтеза, диффузий и дезинтеграций тех или иных форм социального бытия. В описании такого социума популярен концепт «общества риска», введенный У. Бекем, когда субъекты общественных отношений оказываются неспособны оценить на сколько-нибудь долгий срок направление и скорость развития общественных процессов и оценить перспективы и последствия собственной деятельности [Бек, 2001]. Кроме того, возрастающий динамизм общественных трансформаций позволяет ставить вопрос не только о конце определенных традиций, но и о конце традиционности вообще. В социуме перманентной трансформации ничто не может ни объективно, ни субъективно быть хабиитуализовано настолько, чтобы стать традиционным, оставляя на месте традиции только ризомы знаковых систем, симулятивно актуализирующие и деактуализирующие те или иные элементы традиционности.

Консерватизм реализуется как оппозиция изменчивости, неопределенности и связанному с ним риску. Современный консерватизм настаивает не столько на какой-либо конкретной форме общественной организации, сколько на наличии ее долгосрочной устойчивой формы. Цитируя президента В.В. Путина, – это неприятие «постоянной переменчивости, непредсказуемости, постоянного транзита».

Выводом о современном консерватизме может выступать мысль о том, что он перенимает неопределенность той общественной ситуации, в которой оказался социум эпохи постмодерна, и его основанием выступает именно стремление к прекращению неопределенности, не имея при этом сколько-нибудь определенной картины того, посредством каких идей и моделей подобная определенность может выстраиваться. Феноменологическая экспликация современного консерватизма показывает, что плоской и релятивной онтологии секулярного мира противопоставляется интенция к сверхиндивидуальной аксиологии высших ценностей, а неопределенности и сверхдинамизму посттрадиционности консерватизм противопоставляет интенцию к стабилизации темпа общественных трансформаций.

Итоговый тезис исследования можно сформулировать следующим образом: современный консерватизм предполагает не столько «охранение» некоторой традиции, возможность которой сомнительна в условиях секуляризма и посттрадиционности, сколько борьбу за конструирование объекта «охранения», не подверженного «текучести современности» и

служащего фактором устойчивости социального бытия, иными словами, преодоление секуляризма и посттрадиционности.

Список литературы

- Бауман, 2008 - *Бауман З.* Текущая современность. - СПб.: Питер, 2008. - 240 с.
- Бек, 2001 – *Бек У.* Что такое глобализация? М., 2001. - 304 с.
- Белла, 2014 - *Белла Р.* Гражданская религия в Америке // Вестн. Рус. христ. гуманист. акад. - 2014. - Т. 15. Вып. 3. С. 162-182
- Берк, 1993 - *Берк Э.* Размышления о революции во Франции. М., 1993. - 413 с.
- Даниленко, 2021 - *Даниленко Н.Б.* Базовые признаки концепта «консерватизм» // *Russian Linguistic Bulletin.* 2021. №1 (25). - С. 54-57.
- Дугин, 2011 - *Дугин, А. Г.* Социология русского общества. Россия между Хаосом и Логосом – Москва : Гаудеамус: Академический Проект, 2011. – 582 с.
- Дягтерьява, 2003 - *Дягтерьява М.И.* Особый русский путь глазами западников: де Местр и Чаадаев // *Вопросы философии,* 2003, №8. - С.97-105.
- Путин, 2021 - Заседание дискуссионного клуба «Валдай» 21.10.2021 (электронный ресурс). URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/66975> (дата обращения 29.12.2021)
- Илларионов, 2017 - *Илларионов Г. А.* Проблема соотношения понятий "традиция" и "культура": структурно-феноменологическая гипотеза // *Философия и культура.* 2017. №6. – С. 15-24
- Казанова, 2018 - *Казанова Х.* Размышляя о постсекулярном: три значения "секулярного" и три возможности выхода за его пределы // *Государство, религия, церковь в России и за рубежом.* — 2018. № 4. - С. 143—174.
- Капуто, 2011 - *Капуто Д.* Как секулярный мир стал постсекулярным // *Логос.* 2011. № 3 (82). С. 186 – 205 с.
- Леонтьев, 2010 - *Леонтьев К. Н.* Избранное. М.: РОССПЭН, 2010. – 728 с.
- Нойзер, 2009 - *Нойзер В.* Структурные изменения в посттрадиционном обществе // *Вестник ВятГУ.* 2009. №2. - С. 20-24
- Поляков, 2004 - *Поляков Л. В.* Пять парадоксов русского консерватизма // *Отечественные записки.* – 2004. № 2. – С. 522–528.
- Серегина, 2021 - *Серегина Т.В.* Неопределенность в контексте глобализационных процессов и будущее человечества // *Abyss (Вопросы философии, политологии и социальной антропологии).* 2021. №4 (18). - С. 1-9.
- Тейлор, 2017 - *Тейлор Ч.* Секулярный век (философия и богословие). М.: ББИ, 2017. – 967 с.
- Шацкий, 1990 - *Шацкий Е.* Утопия и традиция. М., 1990. С. 370
- Ширинянц, 2015 - *Ширинянц А.А.* К «феноменологии» консерватизма и не только // *Вопросы истории консерватизма.* 2015. №1. С. 364
- Giddens, 1994 - *Giddens A.* Living in a Post-Traditional Society // *Reflexive Modernization. Politics, Tradition and Aesthetics in the Modern Social Order.* CA: Stanford University Press, 1994. P. 56-109.

Hobsbawn, Ranger, 2014 - *Hobsbawn E., Ranger E. The Invention of Tradition.* Cambridge: Cambridge University Press, 2014 - 320 p.
Oxford Languages, 2016 - *Oxford Languages* [Электронный ресурс]. URL: <https://languages.oup.com/word-of-the-year/2016/> (дата обращения: 25.12.21).

References

- Bauman, 2008 - *Bauman Z. Tekuchaya sovremennost'.* - SPb.: Piter, 2008. - 240 s.
Bek, 2001 – *Bek U. CHto takoe globalizaciya?* M., 2001. - 304 s.
Bella, 2014 - *Bella R. Grazhdanskaya religiya v Amerike // Vestn. Rus. hrist. gumanit. akad.* - 2014. - T. 15. Vyp. 3. S. 162-182
Berk, 1993 - *Berk E. Razmyshleniya o revolyucii vo Francii.* M., 1993. - 413 s.
Danilenko, 2021 - *Danilenko N.B. Bazovye priznaki koncepta «konservatizm» // Russian Linguistic Bulletin.* 2021. №1 (25). - S. 54-57.
Dugin, 2011 - *Dugin, A. G. Sociologiya russkogo obshchestva. Rossiya mezhdue Haosom i Logosom – Moskva : Gaudeamus: Akademicheskij Proekt,* 2011. – 582 s.
Dyagteryava, 2003 - *Dyagteryava M.I. Osobyj russkij put' glazami zapadnikov: de Mestr i CHaadaev // Voprosy filosofii,* 2003, №8. - S.97-105.
Putin, 2021 - *Zasedanie diskussionnogo kluba «Valdaj» 21.10.2021 (elektronnyj resurs).* URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/66975> (data obrashcheniya 29.12.2021)
Illarionov, 2017 - *Illarionov G. A. Problema sootnosheniya ponyatij "tradiciya" i "kul'tura": strukturno-fenomenologicheskaya gipoteza // Filosofiya i kul'tura.* 2017. №6. – S. 15-24
Kazanova, 2018 - *Kazanova H. Razmyshlyaya o postsekulyarnom: tri znacheniya "sekulyarnogo" i tri vozmozhnosti vyhoda za ego predely // Gosudarstvo, religiya, cerkov' v Rossii i za rubezhom.* — 2018. № 4. - S. 143—174.
Kaputo, 2011 - *Kaputo D. Kak sekulyarnyj mir stal postsekulyarnym // Logos.* 2011. № 3 (82). S. 186 – 205 c.
Leont'ev, 2010 - *Leont'ev K. N. Izbrannoe.* M.: ROSSPEN, 2010. – 728 s.
Nojzer, 2009 - *Nojzer V. Strukturnye izmeneniya v posttradicionnom obshchestve // Vestnik VyatGU.* 2009. №2. - S. 20-24
Polyakov, 2004 - *Polyakov L. V. Pyat' paradoksov russkogo konservatizma // Otechestvennye zapiski.* – 2004. № 2. – S. 522–528.
Seregina, 2021 - *Seregina T.V. Neopredelennost' v kontekste globalizacionnyh processov i budushchee chelovechestva // Abyss (Voprosy filosofii, politologii i social'noj antropologii).* 2021. №4 (18). - C. 1-9.
Tejlor, 2017 - *Tejlor CH. Sekulyarnyj vek (filosofiya i bogoslovie).* M.: BBI, 2017. – 967 s.
SHackij, 1990 - *SHackij E. Utopiya i tradiciya.* M., 1990. S. 370
SHirinyanc, 2015 - *SHirinyanc A.A. K «fenomenologii» konservatizma i ne tol'ko // Voprosy istorii konservatizma.* 2015. №1. S. 364

Giddens, 1994 - *Giddens A. Living in a Post-Traditional Society // Reflexive Modernization. Politics, Tradition and Aesthetics in the Modern Social Order.* CA: Stanford University Press, 1994. P. 56-109.

Hobsbawn, Ranger, 2014 - *Hobsbawn E., Ranger E. The Invention of Tradition.* Cambridge: Cambridge University Press, 2014 - 320 p.

Oxford Languages, 2016 - Oxford Languages [Elektronnyj resurs]. URL: <https://languages.oup.com/word-of-the-year/2016/> (data obrashcheniya: 25.12.21).